

тяжелым бременем лежала на репутации вновь создаваемого института. В полной мере присяжной адвокатуре того времени освободиться от предшественников не удалось: ходатаи по гражданским делам под разными вывесками сохранялись. Объяснялось это не только традицией, но и элементарной нехваткой дипломированных специалистов. Именно поэтому, спустя 10 лет после начала судебной реформы (в 1874 г.) правительство вынуждено было узаконить наряду с присяжными поверенными институт частных поверенных.

²⁹ Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 312.

³⁰ Потехин П. А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. №47. С. 2213.

³¹ Спасович В. Д. Застольные речи (1873 – 1901). Лейпциг, 1903. С. 85. Справедливости ради стоит отметить, что, откровенно говоря от родства русской адвокатуры с европейскими аналогами, отечественные правоведы заодно подчеркивали и недостатки отечественной судебной системы: крючкотворство и затягивание судебного процесса, несовершенство судопроизводства, которое приводило к преобладанию розыскного процесса, характеризовавшегося совмещением функции суда, обвинения и защиты.

³² Барымов А. Защита по уголовным делам // Юридический вестник. 1878. № 9. С. 383.

³³ Там же. С. 391.

³⁴ Арсеньев К.К. Указ. соч. С. 75.

³⁵ См.: Макалинский П.В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. СПб., 1889.

³⁶ См.: Стоянов А.Н. Английская адвокатура // Юридический вестник. 1880. № 8.

³⁷ Н.А.Троицкий отмечает, что «вообще <...>специалисты сравнивали русскую адвокатуру именно с французской, которая считалась наиболее искусственной и авторитетной в Европе и не зря послужила для корпорации русских адвокатов преимущественным образцом» (Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 51).

³⁸ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С. 189.

³⁹ Там же. С. 188.

⁴⁰ Там же. С. 189.

⁴¹ Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 39–40.

⁴² Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-гг. XIX в. М., 1987. С. 30.

УДК 30.01(470–89)

ПОНЯТИЕ «ЛИБЕРАЛИЗМ» В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ 1855–1858 ГОДОВ

М.В. Калашников

Саратовский государственный университет, кафедра истории России
E-mail: Kalashmv@mail.ru

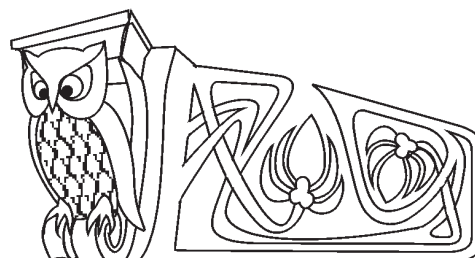
В статье использован метод историко-семантического анализа, в рамках которого естественный язык понимается как знаковая система общественного сознания. Показано изменение смысла понятия «либерализм» в русском общественном сознании 1855–1858 гг. под влиянием социальной практики и политических процессов, происходивших в России.

The Conception "Liberalism" in Russian Public Consciousness of 1855–1858

M.V. Kalashnikov

In the article the method of historical-semantic analysis is used. Natural language is understood as a sign system of public consciousness. The change of the meaning of the conception «liberalism» in Russian public consciousness of 1855–1858 under the influence of social practices and political processes, which proceeded in Russia, is shown.

До конца 1840-х гг. в русском общественном сознании понятие «либерализм» в основном означает политическое течение, которое для достижения своих целей использует радикальные, революционные средства, воспринимаемые все тем же

общественным сознанием как безнравственные. А слово «либерал» означает: безнравственный и, как следствие этого, неумный человек.

Частичная семантическая «реабилитация» понятия «либерализм» в русском общественном сознании конца 1840 – начала 1850-х гг. была связана с революциями 1848 г. в Европе, в ходе которых бывшие радикально (революционно) настроенные либералы решительно выступили против новых радикалов (революционеров) – демократов, социалистов, коммунистов и анархистов.

Вместе с тем в русском общественном сознании, по крайней мере, до середины 1850-х гг. сохранялись и прежние смыслы понятия «либерализм», характерные для 1830 – 1840-х годов. Так, например, Б.И. Сциборский, вспоминая годы учебы в Главном педагогическом институте, в письме к Н.Г. Чернышевскому от 10 февраля 1862 г. писал о кружке Н.А. Добролюбова, действовавшем в конце 1854–в 1856 гг.: «Наконец был кружок ненавистный властям, клеймившим его головорезами, алчными крокодилами, либералами и другими позорными кличками. Это были отъявленные враги существовавших тогда порядков в Институте, изо всех сил бившиеся из-за того, чтобы дать понять

начальству всю нелепость их (т. е. начальства. – М. К.) мелочных требований – за отступление от правил институтских...»¹.

Одним из первых, если не первым, кто в новых условиях попытался вложить новый смысл в понятие «либерализм» стал Б.Н. Чичерин. В статье «Современные задачи русской жизни», датированной июнем 1855 г. и вероятно доработанной в августе – начале сентября 1855 г., Чичерин выдвинул и обосновал политическую программу либеральных реформ.

Вынеся в начале статьи вердикт недалекому прошлому, Чичерин, находясь под впечатлением падения Севастополя, с чувством полной безысходности писал: «Настоящее тяжело и печально: извне страшная гроза, ополчение народов, которого мы не в силах отразить, внутри всеобщее расстройство и распадение. Повсюду беззакония, повсюду притеснения, повсюду жалобы и неудовольствия. Нет в общественной жизни отрадного явления, на котором бы взор мог с участием остановиться и успокоиться. Один был город на краю государства, где сосредоточивался весь героизм русского народа, и который своею мужественной защитой искупал бедствия тяжелого времени. Но и этот город пал в неравной борьбе. Уныние распространилось всюду, и будущее стало, если можно, еще темнее»².

Определяя пути выхода из создавшегося положения, Чичерин писал: «Нам нужны не сословные права, не ограничения царской власти, о котором никто в России и не думает. Нам нужна свобода! Мы хотим, чтобы все, что есть внутри нас, могло свободно высказываться и развиваться, чтобы царь знал, что думает и делает Россия, и мог править нами с ясным сознанием дела и с разумной любовью к своему народу»³.

Именно в статье «Современные задачи русской жизни» Чичерин выдвинул концепцию ограниченной свободы. Он писал: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение, если мы только стряхнем с себя губящую нас лень и равнодушие к общему делу. Это слово, которое излечит глубоко проникнувшие язвы, которое изгонит из нас всю внутреннюю порчу, которое даст нам возможность стать наряду с другими народами и с обновленными силами идти по тому великому пути, которого залог лежит в высоких доблестях русского народа. В либерализме, – патетически восклицал Чичерин, – вся будущность России. Да столпятся же около этого знамени и правительство и народ с доверием друг к другу, с твердым намерением достигнуть предположенной цели»⁴.

По мнению Чичерина, желания «либеральной партии в обществе» должно совпадать с мерами,

которые «должно принять либеральное правительство». В этой же статье он определил и «главные начала», которые, по его мнению, «вытекают из понятия о либерализме».

Первым таким началом Чичерин назвал *свободу совести*. Второе начало, согласно Чичерину, *свобода от крепостного состояния*, являющегося, по его мнению, одним из «величайших зол, которыми страдает ныне Россия». Третье начало – *свобода общественного мнения*, которую Чичерин назвал «краеугольным камнем либеральной политики», она же, по его мнению, «есть выражение народной мысли». Четвертое начало – это *свобода книгопечатания*, для ее достижения необходимо отменить цензуру. Пятое начало – *свобода преподавания*, чрезвычайно актуальная для самого Чичерина. Шестое начало – *публичность всех правительственных действий*, которых обнаружение, – по мнению Чичерина, – не может быть вредно для государства, и прежде всего бюджета, государственных доходов и расходов». Седьмое начало – *публичность и гласность судопроизводства*⁵.

Таким образом, согласно представлениям Чичерина в середине 1855 г. признание необходимости именно этих свобод составит либеральный консенсус между властью и гипотетической «либеральной партией», то есть либерально настроенной частью общества.

Необходимо отметить, что статью «Современные задачи русской жизни» Чичерин писал в спокойной деревенской обстановке в родовом имении Караул Тамбовской губернии. В Москву Чичерин приехал только в конце декабря 1855 г., как он пишет, «перед Рождеством». Москва в канун нового 1856 года поразила Чичерина. Позднее в мемуарах он писал об этом так: «Какой-то электрический ток носился в воздухе. Все были полны надежд и ожиданий; все порывались к общественной работе»⁶.

Вероятно, в конце декабря – начале января 1856 г. Чичерин «поехал в Петербург и представил К.Д. Кавелину свои рукописные произведения», написанные за полгода пребывания в деревне, в том числе и статью «Современные задачи русской жизни». В ходе этого визита и общения с Кавелиным было принято, по воспоминаниям Чичерина, решение «послать всю нашу рукописную литературу для напечатания к Герцену». Но так как «направление Герцена, выразившееся в «Полярной звезде» и разных речах и брошюрах, было, – вспоминал Чичерин, – до такой степени противно нашим целям и убеждениям», что соратники решили вместе со статьями послать лондонскому издателю «письмо с заявлением несогласия с его взглядами»⁷.

«Письмо к издателю» за подписью «Русский либерал», написанное, вероятно, в январе 1856 г., Чичерин и Кавелин вместе со своими статьями отправили А.И. Герцену в Лондон через Н.А. Мельгунова⁸.

Первоначальный вариант «Письма к издателю» был написан Чичериным. «Одоблив его вполне по существу, – вспоминал Чичерин, – Кавелин счел, однако, нужным прибавить нечто от себя в более мягком тоне. Он приделал начало, <...> Первая половина, до 20 страницы (по нумерации «Голосов из России». – М. К.) принадлежит Кавелину, вторая половина мне»⁹.

В советской историографии «Письмо к издателю» было принято считать одним из программных документов московских и петербургских либералов, который ярко характеризует их политическую платформу и тактические приемы¹⁰. Еще более однозначную оценку «Письма к издателю» дал Н.Г. Сладкевич. Назвав его ярким публицистическим документом «русской либеральной политической мысли 50-х годов XIX в.», исследователь писал: «Оно («Письмо к издателю». – М. К.) носило характер программного выступления, заостренного против общественных сил, боровшихся за коренное изменение основ русской жизни»¹¹.

В середине 1990-х гг. Л.М. Искра уже в несколько иной тональности писал, что именно Кавелин и Чичерин «попытались в 1855 г. в известном «Письме к издателю» убедить Герцена отказаться от пропаганды революционно-демократических идей, причем, – как справедливо заметил исследователь, – главная и наиболее резкая часть письма принадлежала Чичерину»¹².

В «Письме к издателю» Чичерин повторил краткий вариант программы необходимых преобразований, намеченных им в статье «Современные задачи русской жизни». Излагая своеобразную программу-минимум либеральной партии, Чичерин писал: «Мы думаем о том, как бы освободить крестьян без потрясения всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отменении или, по крайней мере, об ослаблении цензуры»¹³.

Обозначив цели, Чичерин определил и единственно возможный, по его мнению, путь для их достижения. Он писал: «Мы готовы столпиться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов»¹⁴.

Выступая против всяких проявлений политического радикализма, Чичерин писал Герцену: «Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторскою трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение»¹⁵.

Необходимо, однако, сказать, что часть «Письма», написанная Чичериным, была не только, как справедливо заметил Искра, «главной и наиболее резкой». Обращает на себя внимание и смысловое различие самого понятия «либерализм», употребляемого соратниками в разных контекстах.

Кавелин, в частности, писал: «Существование в России сильной либеральной партии, могущей быть опасною для правительства – чистая выдумка, которая родилась после венского конгресса, утвердилась в правительстве в течение минувшего царствования и поддерживается умышленно: людьми либерального образа мыслей – чтобы придать своему мнению некоторый авторитет и похвастаться перед иностранцами, а нашими чиновниками и сановниками, чтоб удобнее и легче держать государей в своих руках с помощью пугалы, называемого революцией, и отклонять их от всяких полезных для народа, но вредных для бюрократии нововведений»¹⁶.

Для Кавелина либерализм все еще имеет, по крайней мере, оттенок революционности, причем независимо от того, является ли он для него реальностью или фикцией. Совершенно в духе предыдущей эпохи понятие «либерализм» в представлении Кавелина все еще связано и с безнравственным поведением. Политику министра просвещения А.С. Норова он определяет как «лицемерное кокетничанье с русскими литераторами», называя ее «лукавым либерализмом теперешнего министра»¹⁷. Складывается впечатление, что самого себя Кавелин в начале 1856 г. к числу «людей либерального образа мыслей» не относил.

В отличие от соратника Чичерин в своей части письма проводил четкую грань между революционностью и либерализмом. Противопоставляя желание реформ безнравственности революции, он писал Герцену: «Если бы вы могли на время возвратиться в отечество, вы бы пришли в отчаяние. Либералов еще вы встретите довольно много; либерализм в настоящую войну сделал даже довольно значительные успехи. Но революционеров вы не встретите вовсе. К нам революционные теории не только неприменимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство»¹⁸.

Отмежевываясь от революционеров, Чичерин вместе с тем позиционировал свой либерализм как всецело центристское течение. С меньшей определенностью он писал Герцену: «Вы не думайте, однакож, чтобы мы стояли на точке зрения русских и западных тупоумных консерваторов. Значение революций мы понимаем; мы знаем, – совершенно в духе французских доктринеров школы Ройе-Коллара и Ф. Гизо писал Чичерин, – что там, где господствует упорная охранительная система, не дающая места движению и развитию, там революция является, как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории»¹⁹.

Обозначая позиции, если еще не врагов, то уже идейных противников, Чичерин от имени представлявшей ему и представляемой им либеральной партии, то есть части общества, выступающей за реформы в союзе с правительством, писал Герцену: «...вы социалисты <...> вы всеми

своими воззрениями принадлежите прошедшему. Вы даже не люди XIX века, а наследники благодородных, но поверхностных мыслителей XVIII столетия; от них вы не ушли ни на шаг»²⁰.

Характерно, что для Чичерина либералы, противопоставляемые социалистам, – это именно «люди XIX века», впрочем, не все и не всего века. Это позитивисты, то есть позитивно или реалистически мыслящие люди новейшей формации, которые «не довольствуются уже общими фразами и безотчетными верованиями. С неба они сошли на землю; от метафизики они перешли к изучению явлений; от социальных утопий к практическому приложению мысли к жизни, не путем отрицания, а путем постепенного развития»²¹.

Под эту характеристику попадали и доктринеры – классические французские либералы 1830 – 1840-х гг., как их понимали в кругах, близких Чичерину. Молодой профессор Харьковского университета, юрист Д.И. Каченовский писал в «Русском вестнике» о школе доктринеров: «Она не увлекалась чисто отвлеченными понятиями, а только возвела в теорию то, что нашла в действительности. Доктринеры не были идеологами, а следовали строго, может быть уж слишком строго, положительному направлению»²².

Относительный позитивизм Чичерина в этот период распространялся только на сферу политического. В области философии он оставался метафизиком – последователем спекулятивной философии Гегеля, *положительно* применяя ее к истории. В середине 1860-х гг. в условиях торжества позитивистского нигилизма Чичерин вернет метафизику и в качестве философского основания своего представления о политике и политическом.

Завершая разбор «Письма к издателю» отметим, что Чичерину, вероятно, принадлежал и выбор псевдонима – «Русский либерал», за которым скрылись авторы письма к Герцену. Такой псевдоним должен был, как представлялось Чичерину, однозначно свидетельствовать адресату о политической позиции новых корреспондентов.

Если Чичерин находился на переднем крае семантической борьбы за понятие «либерализм», то провинция, впрочем, как и Кавелин, явно отставала. В этом отношении вполне характерно письмо одного из членов кружка казанских студентов, ядро которого составляли бывшие ученики Чернышевского по Саратовской гимназии. Благодаря жандармской перлюстрации сохранилась выписка из этого письма.

Не установленный III отделением студент Казанского университета писал 5 апреля 1856 г. в Горы-горки Могилевской губернии студенту П.И. Зайцевскому: «Начиная с Нового года у нас были славные кутежки. На Новый год мы делали складчину и перепились до зела, так что забыли о Старом годе и Новом». Эти откровения казанского студента не имели бы отношения к теме нашего исследования и вряд ли бы в свое время заинте-

ресовали жандармов, если бы не следующий за ними пассаж.

Далее не установленный автор писал: «Кутежки наши имеют свой особенный характер: у нас обыкновенно являются разговоры о политике, о свободе и т. п. (известно, что саратовцы и сибиряки – отчаянные либералы); являются тосты – за Н.Г. Чернышевского первым долгом, потом мы воспевали вольность, свободу, браним всё и всех без пощады, начиная с Н. П. [Николая Павловича] – ну, да ты, я думаю, догадываешься с кого... потому что не может быть, чтобы тебе в душу не запали слова Николая Гавриловича, нашего просветителя».

Впрочем, не установленный автор специально для адресата и как будто для III отделения оговаривался: «Ты не подумай, чтобы мы говорили о таких вещах за одними только кутежками; напротив, такие разговоры составляют самое лучшее, самое отрадное препровождение времени. Я говорю не шутя, а серьезно»²³.

В письме казанского студента лишний раз дал о себе знать родовой грех понятия «либерализм», этимологически восходящего к имени древнеримского бога Либера, аналога древнегреческого Вакха, бога вина и веселья. В отличие от позитивно настроенного и реалистически мыслящего либерала в понимании Чичерина, «отчаянные либералы» в представлении казанского студента – это люди вполне органично сочетающие «славные кутежки» с воспеванием вольности и свободы, сопровождаемые при этом тотальной и радикальной критикой и отрицанием окружающей действительности – «браним всё и всех без пощады». Отметим, что именно такой смысл понятия «либерализм» был господствующим в русском общественном сознании 1830–1840-х гг.

Однако политическая ситуация в стране менялась стремительно. Не менее стремительно менялось и общественное сознание. Известная речь Александра II, с которой он выступил 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства, сделала достоянием гласности понимание властью необходимости отмены крепостного права – главной из числа всех насущных реформ.

И уже в июне 1856 г. сенатор К.П. Лебедев делает симптоматичную запись: «Гр. [П.Д.] Киселев назначен послом в Париж. Многие видят в этом перемену системы, спустя либерала и назначив какого-нибудь тори. Но, во-первых, тори не назначен, да нет их: в современной атмосфере искренне или притворно – все либералы»²⁴. То есть консерваторов («тори»), открыто стоящих на позициях незыблемости старого порядка и отрицающих необходимость каких-либо реформ, как пишет Лебедев, практически не было. Все – сторонники курса на реформы, осуществляемые, как писал Чичерин, «путем постепенного развития» и в согласии общества и правительства. И пока не суть важ-

но: искренни эти сторонники или притворны – летом 1856 г. именно их называли либералами. Либерализм, который надо понимать скорее как общественное умонастроение, связанное с желанием перемен, в 1856 г. овладевает русским общественным сознанием до такой степени, что, по воспоминаниям современников, входит в моду²⁵. Впрочем, ретроспективная оценка такого либерализма как моды лишней раз подчеркивает изменчивость, «ветреность» общественного сознания в представлении самих современников.

В октябре 1856 г. «Русский вестник» публикует статью Чичерина «О политической будущности Англии, соч. графа Монталамбера»²⁶. Позднее эта статья была переиздана Чичериным в «Очерках Англии и Франции»²⁷. Формальным поводом к написанию статьи стала недавно изданная во Франции и популярная в России книга Монталамбера «О политической будущности Англии». Согласно Чичерину Монталамбер – «...один из замечательных представителей французского либерализма», который написал «книгу в защиту английских учреждений, с уверенностью в их несокрушимости»²⁸.

Обращает на себя внимание то, что в трактовке Чичерина вполне центристский либерализм Монталамбера имеет не аристократический, а демократический оттенок. И нам не важно, какую позицию в действительности занимал Монталамбер, для нас важно, что думал об этом автор статьи. Чичерин, в частности, писал: «Граф Монталамбер <...> одинаково противник и абсолютизма, и той демократии, которую он называет унитарною, которая стремится к водворению равенства и единства в государстве». Далее, с явным сочувствием к позиции Монталамбера, Чичерин писал: «Стараясь водрузить свое знамя посреди этих крайностей, на почве либерализма, он признает однако некоторые существенные результаты демократического движения нового времени – равенство всех перед законом, перед внешним врагом, равенство в уплате податей и доступность должностей достойнейшим лицам из всех классов народа»²⁹.

Конечно же, комплекс политических идей, изложенных в книге Монталамбера, был созвучен идеям самого Чичерина. Сама же форма, избранная автором, – статья-рецензия, лишь камуфлировала вполне прозрачную цель – изложение взглядов политической группы, объединившейся вокруг редакции «Русского вестника».

Почти весь 1857 г. прошел под знаком нарастания в русском обществе нетерпеливого ожидания начала подготовки крестьянской реформы. Почти потерявший терпение Герцен 15 мая 1857 г. писал, имея в виду Кавелина и Чичерина: «События двух целых лет показали, кто из нас был прав, – умеренные либералы, писавшие млеком и медом долю статей, изданных нами в первой книжке “Голосов из России”, или мы в наших

статьях “Полярной звезды”»³⁰. Вполне понятно, что самого себя Герцен к умеренным либералам не относил.

Проходит полгода, и реформаторские намерения власти начинают воплощаться в жизнь. И, как это не покажется парадоксальным, именно с действиями правительства оказалось связано изменение смысла понятия «либерализм» в русском общественном сознании того времени.

К началу января 1858 г. Александр II уже направил три рескрипта об образовании губернских комитетов для разработки проектов крестьянской реформы в ответ на адреса Литовского, Петербургского и Нижегородского дворянства. Правительство ждало инициативы из Москвы, которая в масштабах страны делала необратимым процесс против крепостного права. Однако поступление адреса от Московского дворянства затягивалось. На Москву, как писал Н.М. Дружинин, «были обращены взоры всей землевладельческой России»³¹. И только 7 января 1858 г. состоялось общее собрание представителей и депутатов дворянства Московской губернии, на котором был подписан адрес с изъявлением «полной готовности содействовать благим намерениям августейшего монарха». Однако московское дворянство выступило против наделения крестьян землей, желая ограничиться только предоставлением им личной свободы.

16 января 1858 г. на имя московского генерал-губернатора А.А. Закревского последовал рескрипт Александра II, в котором он отвергал условия освобождения крестьян, предлагаемые московским дворянством и требовал от него составить проект освобождения на тех же условиях, что и в рескриптах Литовскому, Петербургскому и Нижегородскому дворянству – то есть с выкупом усадеб и сохранением за крестьянами полевого надела. В жесткой форме правительство потребовало от московского дворянства завершить все работы по составлению проекта по крестьянскому вопросу в течение шести месяцев со дня открытия губернского комитета.

«Московский адрес и рескрипт Закревскому, – как отметил все тот же Дружинин, – сыграли роль могущественных возбудителей: с этого момента дворянские адреса Александру II стали поступать из разных губерний Европейской России»³². Вместе с тем это совсем не означало, что большинство консервативно настроенного помещичьего дворянства было согласно на условия освобождения крестьян, предложенные правительством. И если противники предоставления крестьянам личной свободы были в явном меньшинстве, то противников выкупа крестьянами усадеб и тем более сохранения за ними полевых наделов среди помещиков было большинство.

Известия о радикальном ускорении реформ быстро распространились не только в России, но и за границей. 29 января 1858 г. В.П. Боткин писал И.И. Панаеву из Рима: «Здесь есть слухи,

что новые распоряжения встречают большую оппозицию со стороны помещиков. Этого надобно было ожидать. Где этим паразитам, отрешенным и от государственной и от народной почвы, понять, что в крепостном праве заключается узел, связывающий Россию по рукам и ногам. Вконец испорченные своим крепостным правом и гаремною жизнью эти паразиты менее всякого другого сословия способны на какой-либо великодушный поступок. <...> Отвратительнее всего, что эти же самые помещики, на словах почти все ужаснейшие либералы, любят читать запрещенные книжки и с самодовольствием указывают на соломинки в глазах европейских, не замечая целых бревен в собственных своих...». Заканчивалось письмо Боткина так: «Говорят, что из Парижа двинулись в Россию множество русских барынь с воплем и проклятиями»³³.

В ответном письме Панаев писал Боткину из Петербурга: «Слава и благодарение Царю, мы ожили. Последнему великому делу придана полная гласность по Высочайшему повелению. <...>. Самоеды-дворяне в бешенстве (неразб.) и ругаются... С некоторыми – удары, а один сходит с ума»³⁴.

Власть взяла инициативу либеральных реформ на себя, и либералами в это время становились не только вследствие собственных убеждений или под влиянием моды, но и вследствие привычной ориентации на власть, которая не только разрешала подданным быть либералами, но и сама призывала их к этому.

Такие изменения в политической ориентации части публики и желание следовать линии правительства, не имея при этом собственных политических принципов, не осталось незамеченным в общественном сознании. 17 марта 1858 г. Е.Я. Колбасин писал И.С. Тургеневу из Петербурга: «Здесь, по городу, ходит следующая эпиграмма на [А.Н.] Майкова, неизвестно кому принадлежащая, но очень недурная:

В России странный век настал:
Затмилось Третье Отделение!
И вновь стал Майков либерал –
С Монаршего – соизволения»³⁵.

В апреле 1858 г. Чичерин подготовил к изданию сборник своих статей – «Очерки Англии и Франции». Введение к «Очеркам», под которым стоит дата 13 апреля 1858 г., представляет собой квинтэссенцию взглядов Чичерина этого периода. По сути, это манифест политического направления, которое, почти в одиночестве, представлял сам Чичерин. Обращает на себя внимание то, что Чичерин, явно под воздействием тех изменений в общественном сознании, которые размывали тот смысл понятия «либерализм», который он в него вкладывал, позиционировал уже свой либерализм как «истинный».

Чичерин так обосновывал свою мировоззренческую и политическую позицию: «Истинный

либерализм состоит не в отрицании государственных начал; цель его должна быть водворение в обществе законной свободы согласно с условиями народной жизни, а правильное развитие свободы обеспечивается только сильным развитием власти». Напрямую обращаясь к М.Н. Каткову и компании, выступавшим в это время против усиления государственных начал, Чичерин писал: «...непоследовательность могут видеть здесь только те, которые не в силах выбиться из одностороннего направления и совладать мысленно с разнообразием стихий, из которых состоит общественная жизнь».

По мнению Чичерина, «...избрание середины тогда только служит признаком внутренней пустоты, когда оно основано на бессилии мысли, на слабодушном эклектизме, который, не находя в себе живых начал, хочет держаться в равновесии между противоположными воззрениями и собирает чужие крохи без всякого разумного руководства. Сочетание же противоположностей, которые неразрывно соединены и в теории и в жизни, есть дело всякого мыслящего человека»³⁶. Как гегельянец Чичерин выступал за органический синтез противоположных начал в каждый отдельно взятый период развития настоящего.

Во введении к «Очеркам» Чичерин выделяет и три различных направления умов, которые, по его мнению, «одинаково односторонни». Не называя сами направления, он дает их качественную характеристику, по которой их не сложно узнать. О консерваторах и реакционерах в правительственных кругах, да и среди помещиков Чичерин пишет так: «Одни, опираясь на существующую старину, считают опасным всякое новое движение, трепещут перед революционными призраками, не доверяют свободе испытующей мысли и стараются удержать общество в пеленках, из которых оно давно выросло»³⁷.

О революционной партии, которая у него отождествлялась с Герценом, Чичерин писал: «Другие наоборот, мучаясь недостатками современного быта, одержимые безграничным стремлением к новизне, отрицают все прошедшее во имя идеального будущего»³⁸.

Третьими были славянофилы, стремления которых менее всего понятны Чичерину. О них он писал так: «Третьи наконец, сочетая в уродливом представлении давно отжившую старину с не оставшим еще будущим, ищут себе опоры в смутных зачатках, в дремлющих силах, в таинственном сознании неразвившихся еще слоев народа»³⁹. Свою позицию Чичерин заявляет ясно и недвусмысленно: «...мы одинаково должны восставать и против упрямых защитников старины и против мечтательных отрицателей существующего порядка»⁴⁰. Именно так он в это время понимал свой «истинный либерализм».

Чичерин, будучи безусловным сторонником принципа историзма, совершенно в духе французских доктринеров, писал: «История, как и

природа, не делает скачков, ибо она составляет продолжение того постепенного развития, которое, начиная с геологических формаций, приходит к высшему сознанию человека»⁴¹. Для Чичерина противопоставление эволюции – революции необходимо основание его либерализма, становящегося политической доктриной.

Прошло несколько месяцев, и уже в 8-м и 9-м номерах «Современника» за 1858 г. была опубликована большая статья Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Не называя напрямую имени своего оппонента, Чернышевский выступил не против предложенного Чичериним понимания либерализма, а именно с критикой либерализма как политической доктрины. Причем сделал он это с демократических позиций. Впрочем, Чернышевский попытался развенчать либерализм не только как политическую доктрину, но и стремился вложить свой смысл в само понятие «либерализм». Это выступление Чернышевского можно квалифицировать как начало его размежевания не только с Чичериним, но прежде всего с либеральной «партией», как идеологическим направлением.

Течения мысли, представителями которых были: с одной стороны – Чичерин, с другой – Чернышевский, размежевавшись не только аксиологически (ценностно), но и семантически – становятся с этого времени партийными по сути. Собственно только с этого времени о двух этих направлениях, то есть о либерализме и демократии, и возможно говорить как об идеологиях, складывающихся в русском общественном сознании. Поскольку размежевание между ними происходит не только на аксиологическом, но и на семантическом уровнях. В России буквально на глазах рождались новые идеологии – идеологии эпохи Модерна (Современности). Начавшийся весной-летом 1858 г. процесс идеологического оформления либерального и революционно-демократического направлений становится необратимым зимой 1858 – 1859 гг. и окончательно завершается в 1862 г.

Вернемся, однако, к статье Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», написанной летом 1858 года⁴². Уже в начале статьи Чернышевский вполне определенно обозначил свою позицию. Он писал: «От времен Реставрации досталось в наследство нашему времени пресловутое и, по правде говоря, превздорное слово “либерализм”, которое до сих пор порождает столько путаницы в головах, столько глупостей в политической жизни и приносит столько бед народу, о благе которого так суетливо и так неудачно хлопотали либералы от Кадикса до Кенигсберга, от Калабрии до Нордкапа».

Далее Чернышевский, пытаясь определить значение понятия «либерализм», производит и собственное идеологическое позиционирование. Он пишет: «Впрочем, несмотря на то, что слово “либерализм” повсюду очень употребительно,

его значение и в Западной Европе, а тем более у нас остается очень сбивчивым. Либералов совершенно несправедливо смешивают с радикалами и с демократами». Главная задача Чернышевского, как он сам об этом пишет, «определить либерализм в точном смысле слова». Высшие интересы «либеральной партии», согласно Чернышевскому, это «право свободной речи», то есть свобода слова, и «конституционное устройство», то есть институционализация законодательной власти в виде парламента на основании принципа разделения властей.

По мнению Чернышевского, «...либерал почти всегда находит, что только при известной степени аристократизма общество может достичь либерального устройства. Поэтому либералы, – как он считает, – питают к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведет к деспотизму и гибели для свободы». Напомним, что для Чичерина современный либерализм предполагает учет «некоторых существенных результатов демократического движения нового времени», читай – революции 1848 года.

Характерно, что, согласно Чернышевскому, эволюционизм, противопоставленный революционности – необходимое и обязательное свойство, присущее либерализму. Он пишет: «Из всех политических партий одна только либеральная непримирима с радикализмом, потому что он расположен производить реформы с помощью материальной силы и для реформы готов пожертвовать и свободой слова, и конституционными формами. Конечно, – замечает Чернышевский, – в отчаянии либерал может становиться радикалом, но такое состояние духа в нем не естественно, оно стоит ему постоянной борьбы с самим собою, и он постоянно будет искать поводов, чтобы избежать надобности в коренных переломах общественного устройства и повести свое дело путем маленьких исправлений, при которых не нужны чрезвычайные меры».

«С теоретической стороны либерализм, – по мнению Чернышевского, – может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливой судьбой от материальной нужды: свобода – вещь очень приятная. Но либерализм, – продолжает Чернышевский, – понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения».

По мнению Чернышевского, в настоящее время «нет такой европейской страны, в которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно к правам, составляющим предмет желаний и хлопот либерализма. Поэтому, – делает вывод Чернышевский, – либерализм повсюду обречен на бессилие...». «Не переставая быть либералом, – замечает Чернышевский, – невозможно выбиться из этого узкого понятия о свободе, как о простом отсутствии юридического запрещения».

Вероятно по цензурным соображениям, из статьи Чернышевского был исключен небольшой, но достаточно важный пассаж, в котором он определял главную цель своей статьи. Чернышевский предполагал в ней «...объяснить, что такое либерализм, прозвонивший уши Европе в эпоху Реставрации», и ставил перед собой задачу «...разоблачить это обманчивое понятие, обнаружить его совершенную пустоту, показать, что между так называемыми либералами было с самого начала так же мало здравых понятий о свободе, как и между так называемыми роялистами...». Также необходимо отметить, что, по мнению Чернышевского, либералами в точнейшем смысле слова являются приверженцы английской конституции⁴³.

Чичерин как демиург творил новые для русского общественного сознания смыслы понятия «либерализм». Чернышевский же, подвергая их нигилистической критике, разрушал эти положительные смыслы.

Если Чичерин и Чернышевский весной-летом 1858 г. занимались теоретическим определением своих позиций, то в дворянских губернских комитетах шло практическое оформление и размежевание партий. Так, например, помещик Ржевский писал из Орла 16 ноября 1858 г. Тургеневу: «Теперь уж ясно обозначились партии нашего Комитета: крайняя правая, т. е. защитница крепостного права, <...> [и] левая или либеральная...»⁴⁴.

Осенью 1858 г. происходит и окончательный разрыв Чичерина с Герценом. Поводом к нему стала публикация Герценом в 25 листе «Колокола» от 1 октября 1858 г. анонимного «Письма к редактору», в котором содержался открытый призыв к отмене крепостного права революционным путем. Поскольку в примечаниях к письму Герцен не выразил своего несогласия с этим положением, общественность, в том числе и Чичерин, восприняли публикацию этого письма как манифестирование позиции издателя «Колокола».

Чичерин в письме из Парижа от 11 октября 1858 г., не сомневаясь в намерении правительства отменить крепостное право, с иронией писал Герцену: «Вам придется опять принести покаяние, а частые покаяния вредны». Чичерин намекал на непоследовательность позиции своего политического оппонента⁴⁵.

Ответом Чичерину на его выпады в письме от 11 октября 1858 г. стала публикация Герценом в 27 листе «Колокола» небольшой, но ярко эмоционально окрашенной заметки под названием «Нас упрекают». Именно в адрес Чичерина Герцен писал: «Нас упрекают либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно. <...> Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости...»⁴⁶. Отметим, что в мае 1857 г. Герцен называл Чичерина «умеренным либералом». Прошло чуть больше года, и он для него уже «либеральный консерватор» и «прямолинейный доктринер». Изменилась ли за

это время позиция Чичерина? Нет. Радикализуется сам Герцен. Меняются его представления о действительности и ее явлениях. Меняются понятия, с помощью которых он описывает казалось бы такие не изменившиеся явления, как либерализм Чичерина.

Самолюбие Чичерина было уязвлено, он написал резкую статью в «Колокол» и вместе с письмом послал в Лондон. В письме уже от 11 ноября 1858 г. Чичерин писал Герцену: «Вы бросили перчатку, я должен ее поднять, высказать вам все напрямик. Вот вам статья, которую прошу вас при первой возможности напечатать в "Колоколе"». Предвосхищая Э. Фромма, Чичерин писал в этом письме: «Нас разделяет, как я сказал в статье, вещь, которая, может быть, важнее всех прочих: политический темперамент. Я об этом догадывался с самого начала, а теперь совершенно в этом убедился»⁴⁷.

Непосредственно в статье, опубликованной в «Колоколе», Чичерин писал: «...мне кажется даже, что вы не совсем поняли, в чем вас именно упрекают <...> Позвольте же мне объяснить это несколько подробнее. Здесь речь идет о различных направлениях русского общества, о различии взглядов на современные вопросы, скажу более, – о различии политических темпераментов, что, может быть, глубже всего разделяет людей»⁴⁸.

Особое возражение Чичерина вызвал волюнтаристский пассаж Герцена в заметке «Нас упрекают» о выборе средств для отмены крепостного права как «поэтическом капризе истории», которому «мешать <...> неучтиво»⁴⁹. В статье для «Колокола» Чичерин, обвиняя Герцена в политической безответственности, писал: «Поэтический каприз истории! Скажите, пожалуйста, когда вы писали эти слова, как вы на себя смотрели: как на политического деятеля, направляющего общество по разумному пути, или как на артиста, наблюдающего случайную игру событий? Политический деятель имеет в виду не только цель, но и средства»⁵⁰.

В статье содержалось прямое обвинение Герцена в дискредитации «либерального направления» и свободы слова. Каждое слово Чичерина как будто разрывало звенья цепи, ранее их связывавшей: «Все, что есть невежественного, отсталого, закоснелого в предрассудках, погрязшего в мелких интересах, – все это с торжеством указывает на вас и говорит: вот последствия либерального направления, вот что производит слово, освобожденное от оков!»⁵¹. «Либеральное направление» Герцена Чичерин все еще понимает как освободительное. Впоследствии, однако, он назвал свою статью «...первым протестом русского человека против политического направления лондонской эмиграции»⁵².

Уже 15 ноября 1858 г. Герцен ответил Чичерину: «Статейка ваша будет напечатана 1 декабря. <...> Что касается до наших личных отношений, то уверяю вас, что я не сомневался никогда в

откровенности ваших убеждений, но я считаю ваше направление вредным для России. Вы считаете такую всю мою деятельность. <...> в чем же смогут состоять наши личные отношения? В том уважении, которое имеют два офицера в двух разных армиях. Не думаю, чтоб на этом можно было основать что-нибудь»⁵³.

Чичерин ответил Герцену письмом от 30 ноября 1858 г. Используя и развивая метафору, предложенную оппонентом, Чичерин конкретизировал причины разрыва: «Наконец, в заключение, вы правы: мы – офицеры, стоящие в различных армиях. Только вот что здесь любопытно: зная у обеих армий одно – освобождение крестьян с землею, свобода совести, свобода от цензуры, всеобщая гласность, независимость общественного мнения, гарантии личности и т. д. Стало быть, почва, на которой мы стоим, одна, а между тем мы глубоко разделены и разделены тактикой. Каждая армия считает манеры другой вредными для общего дела. Тут что-нибудь да не так, а в чем дело – это окажется, вероятно, впоследствии. Может быть, – пронизательно писал Чичерин, – тут скрывается различие между либерализмом и радикализмом, может быть, и что-нибудь другое. Во всяком случае, – добавлял он расстроено, – это – явление грустное»⁵⁴.

Со временем стало ясно, в каких они были армиях. Вспоминая об отношениях с Герценом после 1 декабря 1858 г. и используя все ту же метафору, Чичерин недвусмысленно писал: «Мы с ним теперь могли смотреть друг на друга только как офицеры враждебных армий, но уважающие издали друг друга»⁵⁵.

Герцен не ограничился публикацией статьи Чичерина в «Колоколе» и частной перепиской. Публикацию он сопроводил специальной заметкой – «Обвинительный акт». Задетый за живое и смертельно обиженный словами о том, что вся его деятельность, дело всей его жизни «приносит вред России», Герцен решил передать обвинение Чичерина «на суд общественного мнения». Сравнивая статью Чичерина, публикуемую в «Колоколе» 1 декабря 1858 г. с «Письмом к издателю», написанным Чичериным и Кавелиным в начале 1856 г., Герцен писал: «Обвинительное письмо», печатаемое нами сегодня, существенно отличается от прошлых писем против «Колокола». В тех был дружеский упрек и тот дружеский гнев, в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна. <...> Те были писаны с нашей стороны, оттого в самых несогласиях и упреках было сочувствие. Это письмо писано с совершенно *противной* точки зрения, то есть с точки зрения административного прогресса, государственного доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, что же удивительного, что не ее путями и шли»⁵⁶.

Если понимать политику как искусство достижения возможного, то в «Обвинительном акте» Герцен публично отказывался от каких бы то ни

было рациональных политических действий и окончательно вставал на позицию политического волонтаризма. И до этого являвшаяся относительной герценовская рациональность окончательно заменялась политически безответственным эмоционально мотивированным действием. Герцен в каком-то смысле предвосхищал русский экзистенциализм начала XX века.

В ответ на чичеринскую рациональность и политическую логику, названную губернментальным доктринаризмом, Герцен, по сути, опубликовал политический манифест волонтаристского эмпиризма. Бунт и революционная стихия противопоставлялись «административному прогрессу», то есть продуманным реформам, которые проводит власть. В «Обвинительном акте» он писал: «Мы не представляли себя никогда ни правительственным авторитетом, ни государственным людьми. Мы хотели быть протестом России, ее криком освобождения и криком боли, мы хотели быть обличителями злодеев, останавливающих успех, грабящих народ, – мы их тащили на лобное место, мы их делали смешными, мы хотели быть не только мезью русского человека, но его иронией – не больше»⁵⁷.

С унижением, которое паче гордости Герцен писал: «Какие мы Блудовы и Панины – мы книгопечатальщики ”значительной части людей, страдающих в России”». Если Чичерин упрекал своего политического оппонента в шаткости и легкомыслии от имени «значительной части мыслящих людей в России», то Герцен сознательно занял экзистенциальную позицию, противопоставив разуму – чувства, мысли – страдание. Он объявил себя книгопечатальщиком «значительной части людей, страдающих в России».

Публичная полемика Герцена и Чичерина выявила не только две политические позиции, но и, что было гораздо существеннее, диаметрально противоположные мировоззренческие основания этих позиций. Ретроспективно для Чичерина это было очевидно. В начале 1890-х гг. о публикациях 1 декабря 1858 г. он писал: «С этой минуты резко обозначились два противоположные лагеря, на которые разделялось русское общество»⁵⁸. Однако в конце 1858 г. внутренней уверенности в этом у Чичерина еще не было. Он декларировал разделение, которое было скорее тенденцией, а не свершившимся событием.

В условиях разрыва с Герценом для Чичерина важна была поддержка Кавелина. Поэтому, отправив материалы в Лондон, Чичерин 26 ноября / 8 декабря 1858 г. писал Кавелину: «У нас слишком развито (нрзб.) критическое направление, которое в Лондоне достигает крайних пределов. Меня это возмущает, и я по этому поводу написал в «Колокол» письмо, от которого не думаю отречься и которое я хотел даже подписать своим именем. Но у нас выражение умеренности всегда принимают за подлость. Никому в голову не приходит, чтобы можно было совершить такое вот иначе,

как с согласия правительства. Я, – как думал Чичерин, – отказался от явной битвы. Но одобрение некоторых людей, вполне либеральных, мнением которых я дорожу, поддержало меня в намерении выступить наконец против этого безумного легкомыслия. Ах, как бы мне хотелось знать Ваши мнения на этот счет!»⁵⁹.

Именно в этом письме Чичерин декларировал неизбежность создания в России либеральной партии уже как политической партии и определил свою позицию в отношении нее. Он писал: «Либерализм, который при всей своей независимости не смотрит враждебно на правительство, который не довольствуется отрицанием, а хочет основать твердую политическую систему, – это особенная партия, которая должна со временем образоваться. Но наступило ли время поднять ее знамя? Или мы должны молча работать, накапливать сведения, приготавливаться, чтобы в удобную минуту выступить во всеоружии? Я стою за последнее, мне кажется, что время еще не созрело, но думаю, что и теперь уже можно при случае дать почувствовать, на какой почве мы стоим. Для этого я и написал письмо (Герцену. – М. К.)»⁶⁰.

Кавелин еще до получения письма Б.Н. Чичерина ознакомился с публикацией в «Колоколе» от 1 декабря 1858 г., поэтому он ответил сразу. В письме от 8 января 1859 г. Кавелин выразил свое несогласие с Чичериным по целому ряду вопросов. «...к крайнему моему изумлению, – писал в воспоминаниях Чичерин, – на меня всеми силами ополчился Кавелин»⁶¹.

Кавелин считал недопустимым и оскорбительным тон чичеринской статьи в «Колоколе» и поставил в вину ее автору преувеличение революционности Герцена. «В высших кружках, – писал Кавелин, – все от письма Вашего в восторге. “Либеральная партия решила покончить и разорвать с партией революционной”, – вот стереотипная фраза, которую приветствуется Ваше письмо (Герцену. – М. К.) во дворцах и высших административных сферах. <...> Письмом Вашим вы оказали им существенную услугу. Такой помощи и поддержки они, конечно, не ожидали»⁶².

Последнее обстоятельство, вероятно, более всего в это время настраивало Кавелина против позиции Чичерина, так как он был крайне оскорблен своей отставкой в мае 1858 г. с должности воспитателя наследника престола и испытывал чувство личной неприязни к Александру II. Вместе с тем, как оказалось, Кавелин опять, как и в начале 1856 г., не торопился причислить себя к «либеральной партии» в том виде, как понимал ее Чичерин. Он вновь, в силу каких-то внутренних противоречий или неудовлетворенных амбиций оказался где-то посредине между Чичериным и лондонской эмиграцией.

Заслуживает внимания понимание Чичериным того, что именно их полемика с Герценом послужила катализатором начала размежевания двух политических направлений – умеренного

и радикального, партии «мыслящих» и партии «страдающих». Ретроспективно Чичерин полагал, что окончательное разделение произошло в 1859 г., когда «...Катков <...> задетый, в свою очередь, Герценом, <...> разразился против него бешеною ругатнею, что окончательно разделило обе партии»⁶³.

В ответном письме Кавелину Чичерин высказался вполне определенно: «Я не ожидал такого успеха. Успехом я считаю, как возбужденные прения, которые ведут к выяснению мысли, к обозначению направлений, так и то, что письмо было принято за желание либеральной партии разделиться с революционными стремлениями. Одного не признаю – существование у нас партий. У нас есть только общественное шатание, в котором все бродит, как в хаосе. Затем я именно желал выразить протест либерализма против легкомыслия и раздражительности, которые во мне и во многих других возбуждают негодование. <...> Я, впрочем, – писал Чичерин о Герцене, – не считаю его ни недобросовестным, ни даже революционером, разумея под этим словом человека, имеющего последовательное направление. Он просто ничего не понимает (разрядка Чичерина. – М. К.). У него нет ни такта, ни мысли»⁶⁴.

Возможно, сразу после получения двойного письма из России Чичерин 5/17 февраля 1859 г. написал из Ниццы письмо Л.Н. Толстому, в котором сделал ряд характерных признаний. «...я тем беспристрастнее, – писал он, – что русский либерализм часто мне более противен, нежели самый консерватизм. Признаюсь, общественные явления моего любезного отечества, особенно как знаешь закулисную жизнь, внушают мне большею частью глубокое отвращение, и если я о чем жалею, так единственно об деревне, о своем саде, да об некоторых друзьях, которых бы мне хотелось видеть, только вдали от среды, в которой они живут, т. е. от всероссийского омута»⁶⁵.

Действительно, понятие «либерализм» в русском общественном сознании конца 1858 г. не было ясным и понятным. Неопределенность, изменчивость явлений, их несоответствие, казалось бы, еще совсем недавно привычным о них представлениям порождало у современников ощущение хаоса и неопределенности самой действительности. Из хаоса представлений рождались новые смыслы, казалось бы, старых понятий, которые, теряя общепринятый или, по крайней мере, общепонятный смысл, становились многозначными и неопределенными. Социальный водоворот порождал новые явления, хаос сознания – новые смыслы старых слов для их понимания и объяснения.

В частности, в русском общественном сознании этого времени начинается и семантическая фрагментация понятия «либерализм», которая свидетельствует о начавшейся идеологической фрагментации, или парцелляции, самого общества.

Примечания

- 1 *Сциборский Б.И.* Воспоминания о Н.А. Добролюбова [Письмо к Н.Г. Чернышевскому]. 10 февраля 1862 г. // Литературное наследство. М., 1936. Т. 25–26. С. 302.
- 2 [Чичерин Б.Н.] Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 4. С. 52–53.
- 3 Там же. С. 110–111.
- 4 Там же. С. 111–112.
- 5 Там же. С. 112–125.
- 6 Русское общество 40–50-х годов XIX в.: В 2 ч. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 118.
- 7 Там же. С. 121.
- 8 См.: *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 48–49.
- 9 Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. С. 121.
- 10 См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1978. С. 87.
- 11 *Сладкевич Н.Г.* Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. Л., 1979. С. 8.
- 12 *Искра Л.М.* Жизнь и творческий путь Б.Н. Чичерина // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. Воронеж, 1997. С. 58–59.
- 13 Русский либерал [Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.]. Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон, 1856. Кн. 1. С. 21.
- 14 Там же. С. 22.
- 15 Там же. С. 27.
- 16 Там же. С. 17.
- 17 Там же. С. 16.
- 18 Там же. С. 25–26.
- 19 Там же. С. 26.
- 20 Там же. С. 29–30.
- 21 Там же. С. 30.
- 22 *Каченовский Д.И.* Взгляд на историю политических наук в Европе // Русский вестник. 1857. Т. 12. (Ноябрь). Кн. 1. С. 22.
- 23 Два документа о Чернышевском из архива III отделения / Публ. С.А. Макашина // Литературное наследство. Т. 67. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959. С. 302.
- 24 Из записок сенатора К.П. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1, вып. 4. С. 353.
- 25 Все тот же Б.Н. Чичерин, спустя тридцать лет писал: «...с новым царствованием, либерализм вошел в моду...» (Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. С. 50).
- 26 См.: Русский вестник. 1856. Т. 5. (Октябрь). Кн. 2.
- 27 *Чичерин Б.Н.* О политической будущности Англии // Чичерин Б. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 1–44.
- 28 Там же. С. 3.
- 29 Там же. С. 6.
- 30 *Герцен А.И.* От издателя // Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 3. С. III.
- 31 *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года // Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988. С. 195.
- 32 Там же. С. 195.
- 33 Переписка В.П. Боткина с И.И. Панаевым / [Публ. и примеч.] М.А. Цявловского и Н.А. Чебышевой // Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 435–437.
- 34 Там же. С. 441.
- 35 Из писем к И.С. Тургеневу Е.Я. и Д.Я. Колбасиных / [Публ.] Е.П. Населенко и М.Н. Мотовиловой // Тургенев и круг «Современника». С. 354; *Щербина Н.Ф.* Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры / Под ред. Р.В. Иванова-Разумника. Л., 1929. С. 79.
- 36 *Чичерин Б.* Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. XI–XII.
- 37 Там же. С. XV.
- 38 Там же. С. XV–XVI.
- 39 Там же. С. XVI.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. XVII.
- 42 См.: *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. (Т. 16 дополнительный). М., 1950. Т. 5. С. 213–291.
- 43 Там же. С. 223.
- 44 [Громов В.А.] Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л., 1968. С. 233.
- 45 *Герцен А.И.* Сочинения: В 9 т. М., 1958. Т. 7. С. 603. Примечание.
- 46 *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 361.
- 47 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем / Под ред. М.К. Лемке. Пгг., 1919. Т. 9. С. 407.
- 48 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. С. 409; То же см.: [Б.Н. Чичерин] Обвинительное письмо // Колокол. Лист 29. 1 декабря 1858. С. 236.
- 49 *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. 13. С. 363.
- 50 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. С. 411.
- 51 Там же. С. 413.
- 52 Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. М., 1932. С. 52–53.
- 53 Цит. по: *Порох И.В.* Poleмика Герцена с Чичериным и отклик на нее «Современника» // Историографический сборник. Саратов, 1965. № 2. С. 50.
- 54 *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. С. 417.
- 55 Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 67.
- 56 *Герцен А.И.* Собрание сочинений. Т. 13. С. 405.
- 57 Там же.
- 58 Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 54.
- 59 *Порох И.В.* Poleмика Герцена с Чичериным и отклик на нее «Современника». С. 55.